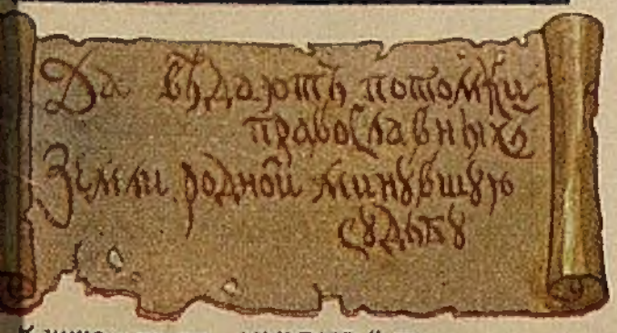
all
1105



БЫЛОМЪ НА СВАТОЙ РУСИ.

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Изданіе Училищнаго Совѣта
при Святѣйшемъ Сунодѣ.

Клише и печать „УНІОНЪ“-Петроградъ.

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ **ВЛАДИМІРЪ.**

Изданіе Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Синодальная Типографія.
1914.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 14919

Жизнь князя Владиміра до принятія христіанства.

Святой Равноапостольный князь Владиміръ былъ младшій сынъ русскаго князя Святослава и внукъ святой благовѣрной княгини Ольги. Князь Святославъ мало жилъ въ Кіевѣ и все время проводилъ въ военныхъ походахъ.

Передъ вторымъ своимъ отъѣздомъ въ Болгарію Святославъ раздѣлилъ русскую землю между тремя своими сыновьями. Старшему *Ярополку* онъ отдалъ кіевскую область, *Олегу*—землю древлянскую, а младшему сыну *Владиміру* досталась новгородская область Ярополкъ, какъ старшій, сталъ называться великимъ княземъ.

Всѣ три князя были еще очень молоды, несовершеннолѣтни. Поэтому у каждаго изъ нихъ были воспитатели, руководители (совѣтники). Но они, къ сожалѣнію, возбуждали усобицы между своими воспитанниками. Эти руководители — совѣтники и были

ближайшею причиною несчастной участи двухъ старшихъ сыновей Святослава.

Пока живъ былъ отецъ, — дѣти жили согласно. Умеръ Святославъ, — и дѣти начали ссориться, начались между ними усобицы. Ссора началась по слѣдующему случаю.

Въ ту пору охота, какъ и война, была господствующею страстью знатныхъ людей. Князья вездѣ предоставляли себѣ въ дѣлѣ охоты большія права и преимущества и жестоко наказывали за ихъ нарушеніе. Случилось разъ, что *Лютъ*, сынъ Свѣнельда, знатнаго боярина и совѣтника великаго князя, выѣхалъ изъ Кіева на охоту. Погнавшись за звѣремъ, онъ въѣхалъ въ лѣса, принадлежавшіе Олегу, князю древлянскому. Какъ разъ въ это же время охотился здѣсь и самъ князь Олегъ. Встрѣтившись съ Лютомъ и узнавши, кто онъ такой, Олегъ убилъ его.

Свѣнельдъ озлобился. Онъ рѣшился отомстить князю древлянскому за смерть своего сына. Свѣнельдъ сталъ подбивать князя Ярополка къ войнѣ съ своимъ братомъ.

— «Пойди на брата твоего Олега»,—твердилъ онъ ему,—«и отними у него волость».

И бояринъ, наконецъ, достигъ своего. Черезъ два года кіевскій князь пошелъ войною на древлянскаго. Послѣдній вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ. Произошла битва. Олегъ былъ разбитъ. Преслѣдуемый непріятелемъ, Олегъ побѣжалъ въ городъ Овручъ. На мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ

воротамъ, бѣглецы стѣснились и сталкивали другъ друга въ ровъ. Въ тѣснотѣ туда же столкнули и Олега. Падали въ глубокій ровъ и люди и лошади. Послѣднія давили первыхъ.

Ярополкъ пошелъ въ городъ Олега и послалъ искать брата. Долго искали князя и не могли найти. Тогда одинъ древлянинъ сказалъ: «я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста». Стали вытаскивать трупы изо рва и вытаскивали ихъ съ ранняго утра до полудня. Наконецъ нашли Олега подъ трупами, внесли его на княжескій дворъ и положили на коврѣ.

Пришелъ Ярополкъ. Увидавъ мертваго Олега, онъ заплакалъ. Ему жаль было брата, и онъ не хотѣлъ его смерти.

— «Порадуйся теперь»,—сказалъ онъ бывшему тутъ Свѣнельду:—«твое желаніе исполнилось».

Бояринъ былъ доволенъ местью. И самъ Ярополкъ скоро успокоился. Древлянскую землю онъ не замедлилъ присоединить къ своей области.

Владиміръ, третій Святославичъ, узнавши о гибели Олега, испугался братняго властолюбія и бѣжалъ изъ Новгорода за море. Ярополкъ присоединилъ и Новгородъ къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ туда своихъ посадниковъ. Теперь онъ одинъ сталъ владѣть всею Русью.

Ярополкъ сталъ уже забывать о Владимірѣ, какъ вдругъ черезъ три года тотъ возвратился въ Новгородъ съ варягами. Прогнавъ оттуда всѣхъ посадниковъ Ярополка, онъ приказалъ имъ сказать своему брату:

— «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ».

Новгородскій князь хотѣлъ, по языческому обычаю, мстить кіевскому за смерть своего брата и мстить кровопролитіемъ. Иначе всѣ стали бы презирать его. Но Ярополкъ не придалъ извѣстію бывшихъ новгородскихъ посадниковъ большого значенія. Въ ту пору онъ готовился къ своей свадьбѣ. Онъ хотѣлъ жениться на Рогнѣдѣ, дочери полоцкаго князя Рогволода.

Услышавъ о рѣдкой красотѣ Рогнѣды, Владиміръ также началъ чрезъ пословъ свататься за дочь Рогволода. Что было тутъ дѣлать ея отцу? Не зная, кого изъ двухъ князей сдѣлать своимъ зятемъ, Рогволодъ отдалъ это дѣло на рѣшеніе своей дочери. Рогнѣда отвѣчала, что она желаетъ выйти замужъ за Ярополка и вовсе не хочетъ быть женою сына рабы, т. е. Владиміра *).

Новгородскій князь обидѣлся. Обидѣлся на это и воспитатель его Добрыня, родной братъ его матери.

Владиміръ собралъ большое войско и пошелъ сначала на Полоцкъ. Въ то время, когда Рогнѣду готовились везти въ Кіевъ, чтобы выдать за Ярополка, враги напали на Полоцкъ. Владиміръ убилъ Рогволода съ двумя его сыновьями. Рогнѣда поневолѣ стала его женою.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Владиміръ чуть было не

---

*) Мать Владиміра была *Малуша*—ключница великой княгини Ольги.

погибъ отъ этой Рогнѣды. Ставши кіевскимъ княземъ, онъ завелъ, по тогдашнему обычаю, много женъ, а Рогнѣду почти забылъ. Живя съ маленькимъ сыномъ своимъ Изяславомъ близъ Кіева, Рогнѣда тосковала, горевала. Разъ, возвращаясь съ охоты, Владиміръ заѣхалъ къ ней и заснулъ. Рогнѣда рѣшилась убить его. Она взяла ножъ и ужъ хотѣла поразить его; но Владиміръ внезапно проснулся и схватилъ ее за руку.

— «Полюбила я тебя»,—сказала ему тутъ Рогнѣда,— «хоть ты убилъ отца моего и братьевъ; но теперь ты охладѣлъ ко мнѣ и къ младенцу моему».

Въ отвѣтъ на это Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была она одѣта въ день своей свадьбы, сѣсть на богатой постели и дожидаться его. Онъ хотѣлъ придти и убить ее. Рогнѣда исполнила приказаніе своего мужа, но дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу и наказала ему: «смотри, когда войдетъ отецъ, ты выступи и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ»?

Ребенокъ такъ и поступилъ. Владиміръ, увидавъ сына и услышавъ его слова, сказалъ: «а кто-жъ тебя зналъ, что ты здѣсь», бросилъ мечъ и ушелъ изъ комнаты.

Владиміръ созвалъ бояръ, разсказалъ имъ все, какъ было, и просилъ у нихъ совѣта.

— «Ужъ ты не убивай ее ради этого ребенка»,— сказали ему бояре,—«но возстанови ея отчину и дай ее Рогнѣдѣ съ сыномъ». Владиміръ послушался ихъ.

Онъ построилъ городъ Изяславль и далъ его Рогнѣдѣ съ сыномъ во владѣніе.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка. Послѣдній былъ не въ силахъ сопротивляться ему и заперся въ Кіевѣ. Съ нимъ были его люди и воевода Блудъ.

Этотъ Блудъ былъ въ ту пору главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ Ярополка. Князь во всемъ слушался его, исполнялъ всѣ его внушенія. Объ этомъ знали Владиміръ и Добрыня. И, вотъ, Блудъ отъ имени новгородскаго князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Ему сказали, что если онъ измѣнитъ своему князю, то ничего отъ этого не потеряетъ. Ему передали, что онъ и при Владимірѣ будетъ сильнымъ и знатнымъ бояриномъ.

— «Помоги мнѣ»,—велѣлъ сказать Блуду Владиміръ:—«если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь. Не я началъ избивать братію, но онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи».

Блудъ велѣлъ отвѣтить Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему.

И онъ не измѣнилъ своему слову. Желая, какъ будто, добра своему князю, Блудъ не пускалъ его на вылазки изъ города и говорилъ ему: «кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаютъ предать тебя ему: бѣги лучше за городъ».

Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ.

Владиміръ занялъ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ.

Осажденные скоро начали терпѣть большой голодъ.

Тогда измѣнникъ началъ говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть, мирись съ братомъ».

Ярополкъ согласился на это.

Блудъ послалъ сказать Владиміру: «Твое желаніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись какъ бы убить его».

Получивши эту вѣсть, Владиміръ вышелъ въ отцовскій теремный дворъ и сѣлъ тутъ съ дружиною.

— «Ступай къ брату»,—сталъ твердить измѣнникъ Ярополку,—«ступай и скажи ему: что мнѣ дашь, то и возьму».

Довѣрчивый Ярополкъ и тутъ послушался его.

— «Не ходи, князь»,—сказалъ ему одинъ его дружинникъ:—«не ходи; убьютъ тебя. Бѣги лучше къ печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско».

Великій князь не обратилъ на это вниманія и пошелъ мириться къ меньшому своему брату. Его тамъ уже ждали. Лишь только Ярополкъ сталъ входить въ двери, какъ на него напали два варяга и пронзили его мечами. Блудъ, шедшій позади его, затворилъ двери и не далъ своимъ идти за нимъ. Такъ былъ

убитъ Ярополкъ. Онъ погибъ, благодаря измѣнѣ своего главнаго совѣтника.

Владиміръ отомстилъ за смерть своего брата. Со смертію Ярополка, прекратились усобицы. Владиміръ сталъ одинъ управлять всею русскою землею. Онъ княжилъ долго (980—1015) и ознаменовалъ свое княженіе многими дѣлами, обезсмертившими его имя въ нашей исторіи. Главнѣйшее же изъ нихъ то, что онъ самъ крестился и крестилъ своихъ подданныхъ.

На первыхъ порахъ своего единодержавнаго правленія, Владиміръ принужденъ былъ разойтись съ наемными варягами. Варяги думали, что Владиміръ однимъ имъ обязанъ своимъ торжествомъ надъ братомъ, что они одни овладѣли для него Кіевомъ. Они стали своевольничать въ городѣ, буйствовать, обижать жителей.

— «Городъ-то нашъ»,—говорили они князю:—«мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ на народѣ, по 3 гривны съ человѣка».

— «Пождите мѣсяцъ, пока соберутъ деньги»,—отвѣчалъ Владиміръ.

Варяги согласились ждать. Ждали-ждали они и дождались, чего не ожидали. Они увидали, что Владиміръ собралъ большое войско, съ которымъ, въ случаѣ борьбы, не справиться имъ.

— «Ты насъ обманулъ»,—сказали они ему:—«такъ отпусти насъ въ Грецію».

Владиміръ былъ радъ, что ему безъ непріятностей приходится развязаться съ ними. Выбравъ изъ нихъ

мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ и раздавъ имъ города въ управленіе, онъ остальныхъ варяговъ отпустилъ въ Грецію. Владиміръ даже предупредилъ объ этомъ греческаго императора.

— «Идутъ къ тебѣ варяги»,—послалъ онъ сказать ему, «не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, и сюда не пускай ни одного».

Съ тѣхъ поръ въ княжеской дружинѣ рѣже стали встрѣчаться варяги. Она стала состоять почти изъ однихъ своихъ, изъ русскихъ.

Послѣ этого Владиміръ ходилъ на *вятичей* и *радимичей*. Воспользовавшись междоусобіями дѣтей Святослава, эти племена отложились отъ кіевскаго князя, перестали платить ему дань. Они хотѣли жить самостоятельно, независимо. Владиміръ рѣшился усмирить ихъ. Сначала онъ напалъ на вятичей, разгромилъ ихъ и заставилъ платить себѣ прежнюю дань. Потомъ князь пошелъ на радимичей. Воевода его, по прозванію *Волчій Хвостъ*, напалъ на нихъ при рѣкѣ Пищанѣ и разбилъ ихъ на голову. Одни изъ нихъ были убиты, а другіе разбѣжались. Воевода навелъ на радимичей ужасъ;—они стали бояться одного его имени. Въ ту пору составилась на счетъ ихъ даже поговорка: «Пищанцы волчьяго хвоста бѣгаютъ».

Владиміръ не разъ ходилъ на *ятвяговъ*, жившихъ по верховьямъ р. Нѣмана, въ нынѣшней гродненской губерніи. Родственные литовцамъ по своему происхожденію, ятвяги были дики и свирѣпы. Они

часто дѣлали набѣги на западныя русскія владѣнія, и отучить ихъ отъ этого было очень трудно. Ятвяги всегда скрывались отъ преслѣдованія въ своихъ лѣсныхъ дебряхъ. Владиміръ два раза ходилъ на нихъ. Трудны были эти походы. Русскимъ приходилось вырубать ятвяжскіе лѣса. И они все-таки достигли своей цѣли. Ятвяги были усмирены. Владиміръ сталъ брать съ нихъ дань.—Далѣе, по сѣверо-западу онъ распространилъ свои завоеванія до самаго Балтійскаго моря. Племена, жившія между Курляндіей и Финскимъ заливомъ, платили, говорятъ, ему дань.

Владиміръ доходилъ до подошвы Карпатскихъ горъ. Тутъ онъ воевалъ съ поляками. Онъ отнялъ у нихъ много городовъ, въ томъ числѣ Перемышль и Червень. По имени послѣдняго, вся эта страна впослѣдствіи стала называться Червонной Русью.

Въ 985-мъ году Владиміръ предпринималъ походъ на камскихъ болгаръ. Какая была причина этому—неизвѣстно: но князь, очевидно, хотѣлъ ихъ за что-то хорошенько наказать. Войско онъ собралъ большое. Оно состояло изъ русскихъ и *торковъ*, кочевниковъ сосѣднихъ степей. Русскіе, по своему обычаю, плыли на судахъ, а торкская конница шла берегомъ. Вошедши въ непріятельскую землю, Владиміръ разбилъ болгаръ, но не подчинилъ, не покорилъ ихъ только потому, что не надѣялся удержать ихъ въ повиновеніи себѣ. Болгары въ ту пору были торговымъ и богатымъ народомъ. Добрыня, дядя Владиміра, осмотрѣвъ плѣнныхъ и убитыхъ болгаръ, сказалъ князю:

— «Они всѣ въ сапогахъ; такіе не будутъ платить намъ дани; пойдемъ искать лапотниковъ».

Владиміръ согласился съ нимъ и заключилъ съ болгарами миръ. Послѣдніе клялись не воевать съ русскими до тѣхъ поръ, пока камень не будетъ плавать, а хмель—тонуть въ водѣ.

Всѣ походы Владиміра были удачны. Всякій разъ онъ возвращался въ Кіевъ съ большой добычей и дѣлилъ ее съ своею дружиною. Тогда начинались пиры, обильные ѣдой и питьемъ: пили и свои крѣпкіе меды, и заморскія вина. Раздавались тутъ веселыя пѣсни, гудѣла музыка.

Князь любилъ свою дружину. Владиміръ понималъ, что безъ храброй дружины онъ и добычи у сосѣдей не промыслитъ, и съ своего народа дани не соберетъ. Онъ высоко цѣнилъ дружину, жилъ съ нею душа въ душу и исполнялъ разныя ея прихоти. Разъ подгулявшая дружина стала корить князя:

— «Горе головамъ нашимъ!—даютъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебряными».

Владиміръ услыхалъ это и велѣлъ приготовить серебряныя ложки.

— «Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины»,—сказалъ онъ,—«а съ удалой дружиной найду и серебро и золото».

Добродушный, склонный къ веселью и пирамъ, ласковый къ своей дружинѣ, Владиміръ на первыхъ порахъ своего княженія, пребывая въ язычествѣ, былъ плохимъ семьяниномъ. Онъ былъ многоженецъ. По-

мимо извѣстной Рогнѣды, у него было еще нѣсколько женъ. Но скоро въ жизни его совершился великій переворотъ къ лучшему, вслѣдствіе принятія христіанской вѣры и святого крещенія.

Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ.— Проповѣдники вѣръ у Владиміра.

Владиміръ сначала былъ ревностнымъ язычникомъ. Язычество нашихъ предковъ было бѣдно, блѣдно, безцвѣтно, безжизненно. Богослуженіе ихъ не имѣло ни величія, ни торжественности. Не было ни жрецовъ, ни храмовъ, не было приличныхъ и разнообразныхъ священнодѣйствій. Все ограничивалось почти безмолвною молитвою и кое-какими жертвами.

Владиміръ хотѣлъ поднять свое язычество, обставить его благолѣпіемъ. Онъ началъ ставить въ Кіевѣ, на видныхъ мѣстахъ, на холмахъ, кумировъ или идоловъ (т. е. изображенія языческихъ божествъ) и украшать ихъ. Передъ княжескимъ дворцомъ поставленъ былъ деревянный идолъ главнаго бога Перуна съ серебряною головою и золотыми усами.

Пируя съ своею дружиною, Владиміръ не забывалъ и боговъ своихъ;—онъ приносилъ имъ богатыя жертвы. Чѣмъ труднѣе былъ походъ, чѣмъ богаче добыча, тѣмъ обильнѣе была жертва богамъ. Послѣ одного удачнаго похода на ятвяговъ, городскіе старцы

и бояре хотѣли принести своимъ богамъ особенную жертву.

— «Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ»,— рѣшили они:—«на кого жребій падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ».

Жребій палъ на молодого варяга, христіанина, по имени Іоанна; онъ прибылъ изъ Греціи и жилъ въ Кіевѣ съ отцомъ своимъ Ѳеодоромъ. Посланы были люди взять обреченнаго въ жертву отрока. Отецъ его воспротивился этому.

— «Ваши боги—дерево»,— сказалъ онъ посламъ,— «сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ, и сдѣланы руками людей. Есть одинъ истинный Богъ, Котораго почитаютъ греки, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну и солнце. Онъ сотворилъ и человѣка, далъ ему жизнь на землѣ. Ваши боги что сотворили? они сами дѣланые! Не дамъ своего сына бѣсамъ»!

Послы передали эти слова народу. Толпа разсвирѣпѣла, схватила оружіе, бросилась къ дому варяга и разломала вокругъ него заборъ. Отецъ и сынъ стояли на крыльцѣ.

— «Отдай сына своего въ жертву богамъ!» кричалъ народъ.

— «Если ваши боги»,—отвѣтилъ Ѳеодоръ,— «дѣйствительно, боги, то пусть кто-нибудь изъ нихъ придетъ самъ за моимъ сыномъ, а вы о чемъ хлопочете»?

Язычники пришли въ ярость и съ дикими криками бросились на жилище несчастнаго варяга. Они

стали напирать на крыльцо, подломили его, взяли отца съ сыномъ и тутъ же, на мѣстѣ, убили ихъ. Это были первые мученики-христіане въ Кіевѣ. Память ихъ празднуется 12-го іюля.

Проповѣдники вѣры Христовой погибли, но слова ихъ остались не безслѣдны для кіевлянъ и самого князя. И Владиміръ началъ сомнѣваться въ своихъ богахъ, сталъ колебаться въ своей вѣрѣ. Объ этомъ, конечно, провѣдали и въ сосѣднихъ странахъ. Въ Кіевѣ, какъ въ торговомъ городѣ, сходились купцы со всѣхъ сторонъ. Они разносили молву по своимъ землямъ обо всемъ, что видѣли и слышали... Стали пытаться сосѣдніе народы обратить Владиміра въ свою вѣру. Каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлать такого сильнаго князя своимъ единовѣрцемъ.

Прибыли послы съ востока, отъ камскихъ болгаръ, и предлагали свою магометанскую вѣру; явились съ запада нѣмцы-католики; пришли съ низовой Волги евреи. И каждый хвалилъ свою вѣру. Но Владиміру не понравилось ни чувственное магометанство, ни властолюбивое папство, ни еврейство, послѣдователи котораго разсѣялись по всей землѣ, нигдѣ не имѣя отечества.

Послѣ проповѣдниковъ магометанства, католичества и іудейства, предсталъ передъ Владиміромъ и проповѣдникъ православія. Это былъ ученый греческій монахъ Кириллъ. Онъ былъ присланъ съ большими дарами къ великому князю отъ константинопольскаго патріарха Хрисоверга.

— «Слышали мы»,—сталъ говорить ученый мо-

нахъ Владиміру,—«что приходили къ тебѣ болгары-магометане и склоняли тебя принять ихъ вѣру: но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю; они прокляты, какъ погибшіе въ Содомѣ и Гоморрѣ. И этихъ ожидаетъ день погибели, когда придетъ Богъ судить землю и истребитъ всѣхъ дѣлающихъ беззаконіе». Кириллъ послѣ этого такъ сильно и ярко изобразилъ нѣкоторые обряды магометанъ, что Владиміръ даже плюнулъ на землю, сказавши: «не чисто это дѣло».

— «Слышали мы»,—продолжалъ ученый монахъ,—«что приходили къ тебѣ послы изъ Рима также поучать тебя своей вѣрѣ. Вѣра ихъ немногимъ разнится отъ нашей, но они служатъ на опрѣснокахъ, называемыхъ облатками, которыя Богомъ не заповѣданы, и потому они не исполняютъ воли Господней».

Владиміръ, не сочувствовавшій вообще папству, перебилъ рѣчь Кирилла о немъ.

— «Вотъ приходили ко мнѣ евреи»,—сказалъ онъ,—«и увѣряли, будто бы нѣмцы и греки вѣруютъ въ Того, Кого они распяли. Правда ли это»?

— «Если хочешь послушать»,—сказалъ на это Кириллъ,—«я разскажу тебѣ все сначала, ради чего сошелъ Богъ съ неба на землю».

— «Радъ послушать», отвѣтилъ Владиміръ.

Греческій проповѣдникъ началъ разсказывать о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и первыхъ людей, какъ блаженствовали они въ раю, какъ нарушили заповѣдь Божію и лишились рая; какъ люди потомъ погрязли въ грѣхахъ и наказаны были за это всемір-

нымъ потопомъ. Кириллъ разсказалъ дальше объ евреяхъ, о пребываніи ихъ въ Египтѣ,—о томъ, какъ Моисей вывелъ ихъ оттуда, какъ послѣ него стали управляться евреи. Онъ говорилъ князю о томъ, какъ Богъ посылалъ пророковъ, чтобы обратить заблуждающихся и предсказать людямъ о рожденіи Спасителя. Владиміръ внимательно слушалъ весь разсказъ ученаго монаха.—«Сбылось ли это»,—спросилъ онъ проповѣдника, «что предсказали пророки, или теперь сбудется?».. Въ отвѣтъ на это Кириллъ разсказалъ князю о рожденіи Іисуса Христа, объ ученіи Его, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо. Онъ объяснилъ, ради чего Христосъ пострадалъ, и какъ онъ заповѣдалъ жить христіанамъ.

— «Настанетъ день»,—въ заключеніе сказалъ проповѣдникъ,—«когда Богъ, сошедъ съ неба, будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Тогда Онъ воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнымъ дастъ царство небесное, красоту неизреченную, радость безъ конца и жизнь вѣчную, грѣшникамъ—мученія безконечныя. Такія же мученія будутъ и тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Бога нашего Іисуса Христа. Въ огнѣ будутъ мучиться тѣ, кто не крестится».

При этихъ словахъ проповѣдникъ развернулъ передъ Владиміромъ картину Страшнаго суда Божія. Онъ показалъ ему праведниковъ на правой сторонѣ. Они съ радостью шли въ рай. Кириллъ указалъ затѣмъ князю и грѣшниковъ на лѣвой сторонѣ картины. Они шли въ вѣчную му́ку.

Владиміръ внимательно разсматривалъ картину. То и другое—и картина Страшнаго суда, и краснорѣчивый разсказъ проповѣдника—сильно подѣйствовали на князя... Владиміръ вздохнулъ и сказалъ:

— «Добро этимъ, что на правой сторонѣ, и горе тѣмъ, что на лѣвой!» *)

— «Если хочешь стоять съ праведниками на правой сторонѣ»,—сказалъ проповѣдникъ,—«то крестись».

Владиміръ задумался.

---

*) Вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ вообще сѣверные языческіе народы. Ясный отвѣтъ на него христіанства содѣйствовалъ распространенію послѣдняго среди нихъ. Вотъ, что, напр., разсказывается о принятіи христіанства въ Британіи. Къ одному англо-саксонскому королю явился проповѣдникъ христіанства. Король позвалъ свою дружину на совѣтъ. И одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Быть можетъ, ты припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого пролета для нея пріятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова жизнь людская на землѣ, и ея теченіе мгновенно, если сравнить его съ продолжительностью времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно и безпокойно для насъ, — оно мучитъ насъ невозможностію познать его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его».

— «Подожду еще немного»,—сказалъ онъ въ раздумьи.

Князю хотѣлось хорошенько разузнать о всѣхъ вѣрахъ, которыя ему предлагали принять разные проповѣдники.

Щедро одарилъ Владиміръ греческаго монаха—краснорѣчиваго проповѣдника православной вѣры—и съ великимъ почетомъ отпустилъ его отъ себя домой.

Испытаніе вѣръ.

Послѣ бесѣдъ съ представителями магометанства, католичества, іудейства и православія, Владиміръ созвалъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ. Безъ совѣта съ своею дружиною великій князь ничего важнаго не предпринималъ. Теперь же, задумавши перемѣнить вѣру, Владиміръ хотѣлъ посовѣтоваться объ этомъ и съ представителями города и дружины.

— «Вотъ приходили ко мнѣ болгары»,—сказалъ Владиміръ собравшимся на совѣтъ. «Они говорили: прими законъ нашъ. Потомъ приходили нѣмцы и похваляли законъ свой. За ними приходили евреи. Послѣ всѣхъ пришли греки. Они хулили всѣ другіе законы, а свои выхваляли. Они много говорили о Богѣ, о началѣ міра и человѣка, о будущей судьбѣ людей.—Чудно говорятъ они, и любо слушать ихъ.—Увѣряютъ они, что есть еще и другой свѣтъ. Если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, послѣ смерти, опять

возстанетъ и не умретъ уже во вѣки; а если въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ ему въ огнѣ горѣть. Придайте мнѣ ума совѣтомъ вашимъ. Что мнѣ на это отвѣтите?»

Никто изъ присутствовавшихъ не сталъ защищать своей вѣры. Всѣ, какъ будто, готовы были съ своимъ княземъ принять новую, другую вѣру, но какую?..

— «Знаешь, князь»,—сказали старцы и бояре въ отвѣтъ Владиміру: — «знаешь, своего, вѣдь, никто не хулитъ. Если хочешь испытать хорошенько, то выбери у себя мужей и пошли ихъ, чтобы они испытали каждую вѣру и узнали, какъ она велитъ служить Богу».

Владиміру этотъ совѣтъ понравился. Онъ выбралъ десять лучшихъ, благонамѣренныхъ людей.

— «Идите сперва къ болгарамъ», — сказалъ онъ имъ,—«и испытайте прежде ихъ вѣру».

Послы отправились на востокъ — въ землю камскихъ болгаръ; но они оттуда скоро вернулись. Имъ не понравилось многое у болгаръ—магометанъ. Не понравились имъ и мечети (храмы) ихъ и богослуженіе. Мечети ихъ безъ всякихъ украшеній, съ голыми стѣнами. Нѣтъ у нихъ ни пѣнія, ни обрядовъ, ни священнодѣйствій.

— «Ну, теперь идите къ нѣмцамъ»,—сказалъ имъ Владиміръ, «а оттуда ступайте къ грекамъ».

Объ евреяхъ великій князь совсѣмъ умолчалъ. Они не заслужили его вниманія.

Послы пришли къ нѣмцамъ — католикамъ. По-

слѣдніе, вѣроятно, жили на пути изъ Кіева въ Константинополь, въ предѣлахъ нынѣшней Австріи. И тутъ посламъ многое не понравилось. Они встрѣтили богослуженіе на латинскомъ языкѣ, непонятномъ молящемуся народу, и не могли сочувственно отнестись къ католичеству. Не проникая далеко внутрь католическаго населенія, они отправились въ Константинополь.

Въ Константинополѣ русскіе послы увидѣли совсѣмъ иное. Ихъ встрѣтили тамъ радушно. Они представились тамошнимъ императорамъ. Тамъ тогда царствовали два брата—Василій и Константинъ.

— «Зачѣмъ вы пришли сюда?» — спросили они русскихъ пословъ.

Послы разсказали имъ все подробно и откровенно. Цари обрадовались, узнавъ, что русскіе и князь ихъ желаютъ хорошенько узнать православную вѣру. Они распорядились отправить для нихъ торжественное богослуженіе.

— «Пришли къ намъ русскіе послы испытать нашу вѣру»,—послали императоры сказать константинопольскому патріарху,—«такъ приготовь все въ церкви и на клиросѣ, и самъ облекись въ святительскія ризы;—пусть послы видятъ славу Бога нашего».

Повели нашихъ пословъ въ церковь. Величественный храмъ святой Софіи сіялъ весь огнями. Иконы блистали золотыми ризами и драгоцѣнными камнями. Шла торжественная служба,—служилъ самъ патріархъ со множествомъ духовенства. Раздавалось прекрасное

пѣніе пѣвчихъ. Храмъ былъ наполненъ благовоніемъ ѳиміама. Русскихъ пословъ, о просвѣщеніи которыхъ молились тогда бывшіе въ церкви, поставили на болѣе удобное и видное мѣсто. Тутъ имъ объяснили всякое священное дѣйствіе, всякій обрядъ.

Ничего подобнаго русскіе послы никогда не видывали, не слыхали!.. Они стояли пораженные, въ изумленіи. Они удивлялись, восторгались, умилялись въ благоговѣніи передъ величіемъ Бога христіанскаго.

Кончилась служба. Цари призвали русскихъ пословъ къ себѣ, обласкали ихъ, надѣлили дарами и отпустили съ честью домой.

Когда они вернулись въ Кіевъ,—Владиміръ снова созвалъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ:

— «Вотъ пришли посланные нами мужи. Послушаемъ, что скажутъ они. Разскажите намъ все»,— обратился онъ къ посламъ,—«что вы видѣли и слышали».

— «Ходили мы»,—стали разсказывать путешественники,—«къ болгарамъ, смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ, называемыхъ мечетями. Стоятъ они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ туда и сюда, словно бѣшеные. Нѣтъ у нихъ ничего радостнаго, но печаль и смрадъ великій.

«Нѣтъ, не хорошъ законъ ихъ».

«Потомъ пришли мы въ нѣмецкую землю и видѣли тамъ въ храмахъ множество всякихъ обрядовъ, а красоты никакой не видѣли».

«Пришли мы, наконецъ, къ грекамъ. Повели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему, и не знали мы,

Внутренній видъ храма святой Софіи въ Константинополѣ.

на небѣ ли были мы или на землѣ; потому что нѣтъ на землѣ такого вида, такой красоты. Мы и разсказать объ ней не умѣемъ. Знаемъ только то, что тамъ Самъ Богъ съ людьми пребываетъ, и что служба ихъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Никогда намъ не позабыть этой красоты. Всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не захочетъ уже послѣ того вкушать горькаго. Такъ и мы уже не въ состояніи здѣсь (въ язычествѣ) оставаться».

Что же сказали на это заявленіе городскіе старцы и бояре? Сочувственно выслушавши своихъ пословъ, они отъ себя прибавили доброе слово о греческой православной вѣрѣ.

— «Если бы худъ былъ законъ греческій»,—сказали они,—«то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а она была мудрѣйшая изъ всѣхъ людей».

— «Въ такомъ случаѣ гдѣ-жъ намъ креститься?»—спросилъ своихъ совѣтниковъ Владиміръ.

«Гдѣ тебѣ любо»,—отвѣчали они.

Прошло около года послѣ этого совѣщанія, а Владиміръ все еще медлилъ креститься. Ему предстояло рѣшить вопросъ: гдѣ ему съ дружиною принять святое крещеніе?

Бабка его Ольга не захотѣла креститься въ Кіевѣ. По примѣру ея, Владиміру приходилось принимать крещеніе отъ грековъ. Но ему было извѣстно, что льстивые и лживые греки становятся упрямыми и гордыми, когда къ нимъ обращаются съ просьбою. Онъ зналъ, что они любятъ чваниться предъ тѣми, которые имѣютъ

какую-либо въ нихъ нужду. Примѣръ этому—та же бабка его Ольга. Греки не сразу, не прямо впустили ее въ свой Константинополь, а напередъ заставили ее долгое время простоять подъ его стѣнами. Поэтому Владиміру и не хотѣлось просить грековъ о вѣрѣ.

Но тѣ же самые греки являются услужливыми, уступчивыми, льстивыми, низкопоклонными, если они находятся въ нуждѣ и особенно въ бѣдѣ. Въ это послѣднее положеніе Владиміръ и хотѣлъ теперь поставить грековъ... Онъ рѣшился идти войною на одинъ греческій городъ, близкій къ русскимъ владѣніямъ. Онъ хотѣлъ взять его и потомъ уже на правахъ побѣдителя—требовать себѣ отъ грековъ и жены, и вѣры. Онъ былъ увѣренъ, что слабодушные греки будутъ тогда уступчивѣе предъ нимъ, какъ побѣдителемъ.

Владиміръ такъ и поступилъ.

Походъ на Корсунь и крещеніе Владиміра.

Въ 988-мъ году Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь. Это былъ большой и многолюдный греческій городъ. Онъ стоялъ въ Крыму, на берегу моря и окруженъ былъ толстою каменною стѣною *).

Корсунцы, не ожидавшіе нападенія русскихъ, затворились въ городѣ, — заперлись. Владиміръ выса-

---

*) Развалины Корсуня, или Херсонеса Таврическаго, находятся въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя.

дился около Корсуня и сначала сталъ отъ него на разстояніи перелета стрѣлы. Онъ потребовалъ сдачи города. Ему на это отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Владиміръ послалъ сказать корсунцамъ, что, если они не сдадутся, онъ будетъ хоть три года стоять подъ городомъ. Угроза эта тоже не помогла. Корсунцы рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Тогда Владиміръ осадилъ городъ. Онъ придвинулся къ нему и велѣлъ дѣлать около города земляной валъ. Съ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. И это мало принесло пользы. Корсунцы подъ свои стѣны сдѣлали подземный подкопъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго, навѣрное, пришлось бы Владиміру простоять подъ городомъ, если бы не помогла ему измѣна. Одинъ корсунянинъ, по имени Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ къ Владиміру стрѣлу, на которой было написано: «за тобою, съ восточной стороны, находятся колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ. Перекопай ее и перейми воду».

Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ:

— «Если это сбудется, и Корсунь сдастся, я крещусь». Князь послушалъ совѣта корсунянина. Онъ велѣлъ въ указанномъ мѣстѣ перекопать водопроводъ... Корсунцы остались безъ воды. Мучимые жаждою, они сдались русскимъ.

Владиміръ вошелъ съ дружиною своею въ го-

родъ. Русскіе, вопреки тогдашнему обычаю, никого на правахъ побѣдителей не трогали и не грабили:— цѣль завоеванія города была совсѣмъ не грабительская.

Владиміръ послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину:

— «Взялъ я славный вашъ городъ. Я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвица. Если не отдадите ее за меня, то и съ вашей столицей будетъ то же, что съ Корсунемъ».

Императоры перепугались. Одно представленіе о нападеніи воинственныхъ руссовъ на Константинополь приводило ихъ въ ужасъ. Защищать свою столицу имъ было не чѣмъ: войска почти не было. Византія тогда находилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Дунайская Болгарія была объята возстаніемъ, да и въ самой имперіи было неспокойно. Тѣмъ не менѣе, императоры велѣли передать Владиміру:

— «Не слѣдуетъ отдавать христіанамъ родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ. Если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя».

Владиміръ отвѣчалъ на это императорскимъ посланцамъ:

— «Скажите царямъ, что я крещусь. Я уже прежде испыталъ вашъ законъ. Люба мнѣ ваша вѣра и богослуженіе, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи».

Императоры обрадовались этимъ словамъ князя.

Они стали уговаривать свою сестру Анну выти за Владиміра и послали сказать ему:

— «Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру».

Но Владиміръ на это отвѣтилъ:

— «Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня».

Императоры согласились на это и стали убѣждать свою сестру поскорѣе ѣхать въ Корсунь.

— «Иду точно въ полонъ»,—говорила она:— «лучше бы мнѣ здѣсь умереть».

Братья утѣшали ее тѣмъ, что если она станетъ женою русскаго князя, то будетъ содѣйствовать обращенію всей русской земли къ истинному Богу, а греческую землю избавитъ отъ ужасныхъ враговъ.

— «А что, если Богъ обратитъ тобою русскую землю въ покаяніе»,—говорили они ей,—«а греческую землю избавитъ отъ лютой рати? видишь, сколько зла надѣлала русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же».

Едва уговорили, наконецъ, братья свою сестру. Анна со слезами на глазахъ сѣла на корабль. Простившись съ своими родственниками, она съ горемъ поплыла въ Корсунь. Ее сопровождали нѣсколько сановниковъ и священниковъ.

Въ Корсуни Анна была встрѣчена жителями съ большимъ почетомъ. При выходѣ ея на берегъ, они низко поклонились ей и проводили ее до приготовленныхъ для нея палатъ.

Между тѣмъ, пока происходили переговоры о

бракѣ съ царевной Анной, у Владиміра разболѣлись глаза; онъ ничего не могъ видѣть. Больной князь тужилъ;—онъ боялся, какъ бы совсѣмъ не ослѣпнуть.

Узнавъ объ этомъ, царевна—невѣста сказала ему:

—«Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй. Если же не крестишься, то и не вылѣчишься».

— «Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится», сказалъ на это Владиміръ,—«то поистинѣ великъ Богъ христіанскій».

Князь объявилъ, что онъ готовъ къ крещенію.

Епископъ корсунскій и священники царевны—невѣсты научили его истинамъ христіанской вѣры. Послѣ этого Владиміръ крестился. Когда, во время совершенія таинства крещенія, епископъ возложилъ на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ.

Обрадовавшись такому внезапному исцѣленію, Владиміръ воскликнулъ:

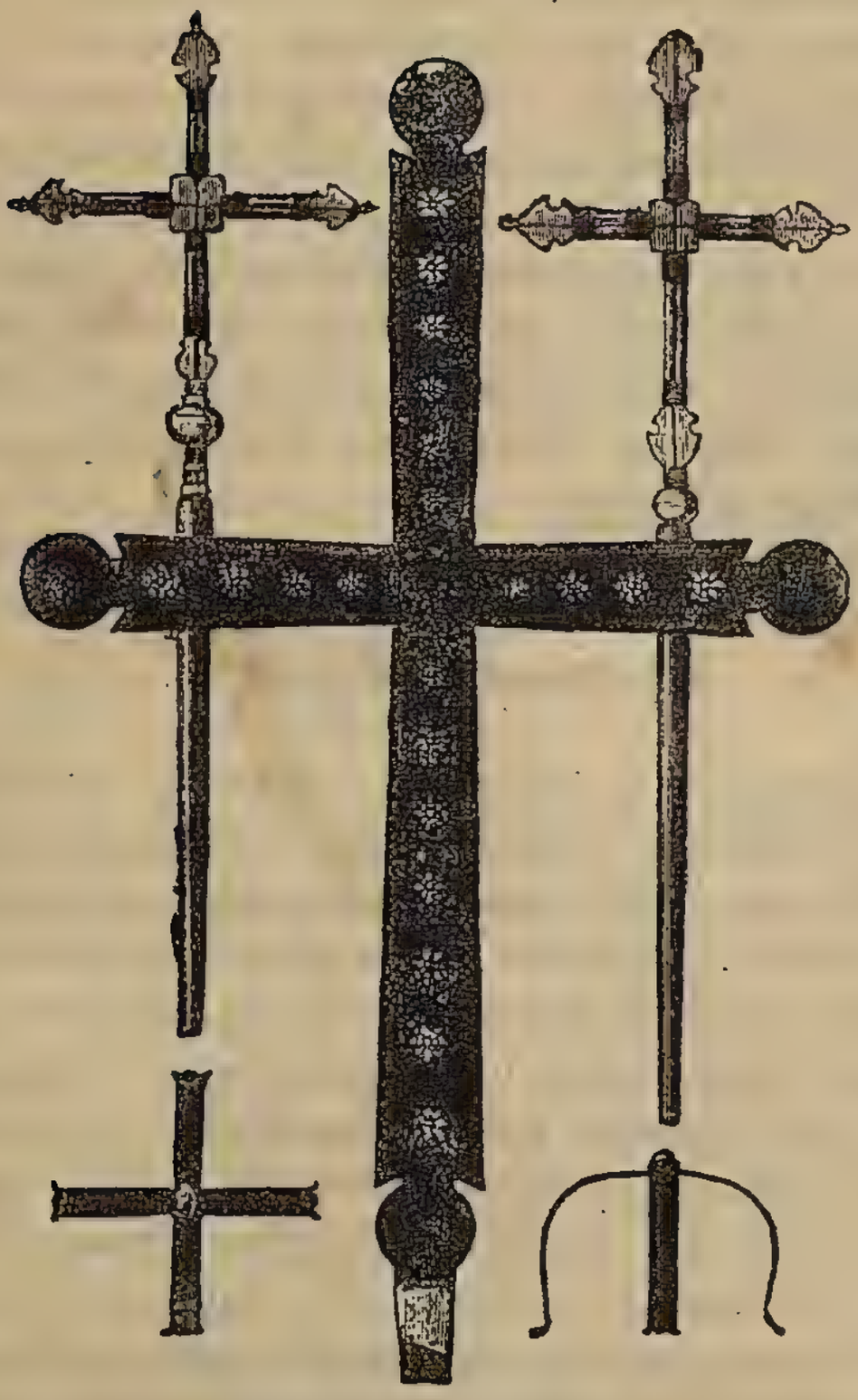
— «Теперь только я узналъ истиннаго Бога!»

Видя это чудо, многіе изъ дружины князя крестились.

Крещеніе совершено было въ церкви св. Василія, стоявшей на корсунской торговой площади. Новокрещенный князь названъ былъ Василіемъ.

За крещеніемъ совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Послѣ крещенія, Владиміръ еще нѣкоторое время оставался въ Корсуни. Онъ успѣлъ здѣсь построить церковь во имя св. Предтечи и Крестителя Господня



Корсунскіе кресты.

Іоанна на томъ самомъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала.

Оставляя Корсунь, Владиміръ взялъ съ собою упомянутаго Анастаса, священниковъ корсунскихъ, митрополита Михаила, только что пріѣхавшаго изъ Греціи, мощи св. Климента и ученика его Ѳивы, иконы и сосуды церковные. Кромѣ того, для украшенія своей столицы, онъ взялъ съ собою двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня; завоеванный же городъ Корсунь Владиміръ отдалъ грекамъ «въ вѣно за жену свою» *).

Крещеніе Руси.

По возвращеніи въ свою столицу, новокрещенный князь занялся обращеніемъ кіевлянъ въ православно-христіанскую вѣру. Владиміръ прежде всего крестилъ своихъ сыновей и ближнихъ людей. Вслѣдъ затѣмъ онъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Какъ прежде онъ ревностно ставилъ ихъ на городскихъ улицахъ, такъ теперь еще ревностнѣе сталъ уничтожать ихъ. Однихъ изъ ниспроверженныхъ идоловъ разсѣкли на части, другихъ сожгли. Главнаго идола Перуна привязали къ лошади и потащили съ горы—въ Днѣпръ. Двѣнадцать человѣкъ били истукана палками. Это было сдѣлано,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—не

---

*) *Вѣно*—плата жениха за невѣсту.

потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей. Такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда Перуна волокли къ рѣкѣ,—простой народъ плакалъ, видя это поруганіе своей святыни, своего главнаго бога. Идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ. Приставлены были, по распоряженію князя, особые воины, которые должны были отталкивать Перуна отъ берега. Они провожали его до самыхъ пороговъ рѣки. Нѣкоторые язычники, видя, какъ онъ, колыхаясь, плылъ по теченію Днѣпра, бѣжали по берегу и кричали: «Выдыбай (т. е. выплывай), боже, выдыбай, Перуне!»

Между тѣмъ, митрополитъ и духовенство ходили по домамъ кіевлянъ, по улицамъ и площадямъ съ проповѣдью. Они учили народъ вѣрѣ Христовой и располагали его къ принятію ея. Самъ князь Владиміръ принималъ въ этомъ живое участіе.

Многіе кіевляне съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это. Одни изъ нихъ не хотѣли креститься не по привязанности къ язычеству, а по новости и важности дѣла. Они колебались, какъ колебался прежде и самъ Владиміръ. Другіе не крестились по упорной привязанности къ старой своей вѣрѣ. Они не хотѣли даже и слушать проповѣди.

Видя все это, Владиміръ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе сильному средству. Онъ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ креститься.

— «Кто завтра не придетъ къ рѣкѣ для крещенія»,—говорили вѣстники,—«богатый или бѣдный, работникъ или нищій, тотъ будетъ считаться противникомъ князю».

Мѣра эта оказалась дѣйствительною. Услыхавъ этотъ княжескій приказъ, всѣ нерѣшительные, всѣ колеблющіеся изъявили желаніе креститься.

— «Если бы новая вѣра не была хороша»,—говорили они,—«то князь и бояре не приняли бы ея».

Многіе закоренѣлые язычники страха ради тоже рѣшились исполнить приказаніе своего князя. И только немногіе, самые ожесточенные приверженцы старой вѣры, боясь княжескаго гнѣва, бѣжали изъ города въ лѣса и степи.

Настало утро слѣдующаго дня. Со всѣхъ концовъ Кіева потянулись семейства къ тому мѣсту Днѣпра, гдѣ въ него впадаетъ р. Почайна. Матери несли съ собой грудныхъ младенцевъ. Тащились туда же и маститые старцы, закоснѣвшіе въ язычествѣ и уже малоспособные къ живому воспріятію другой вѣры. Собралось тутъ множество народа. Вышелъ къ Днѣпру и самъ князь Владиміръ съ митрополитомъ, съ священниками, съ дѣтьми своими и боярами.

Данъ былъ знакъ приступить къ крещенію. Всѣ вошли въ воду. Одни стояли по шею, другіе по грудь. Малыя дѣти стояли въ рѣкѣ у берега. Взрослые держали на рукахъ младенцевъ. Крещеные раньше были воспріемниками крещаемыхъ и учили ихъ, какъ держать себя во время совершенія таинства. Священ-

ники, стоя на берегу, читали молитвы и благословляли крещающихся.

Зрѣлище было рѣдкое въ исторіи и умилительное! Цѣлыя тысячи исповѣдывали Христа. «*Въ сей великій день*»,—говоритъ нашъ лѣтописецъ, — «*земля и небо ликовали.*»

Владиміръ, видя все происходившее передъ нимъ, умилился и возрадовался духомъ. Онъ радъ былъ, что позналъ истиннаго Бога и самъ и народъ его. Поднявъ глаза къ небу, онъ, въ избыткѣ радости, вслухъ всѣхъ произнесъ слѣдующую молитву.

— «Боже, сотворивый небо и землю, призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти (познать) Тебе, истиннаго Бога, яко же увѣдѣша страны христіанскія; утверди вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣждаю (одолѣю) козни его» *).

---

*) Прекрасно выражено душевное состояніе Владиміра, при видѣ крестившихся кіевлянъ, въ стихотвореніи О. Н. Чуминой «Крещеніе Руси». Мы приведемъ изъ него нѣсколько строфъ.

«Полгода минуло, и въ Кіевѣ стольномъ
Народъ собирался съ утра,
Тѣснился въ волненьи и страхѣ невольномъ
У водъ темносинихъ Днѣпра...

Сіяли хоругви парчей золотою,
Дымились кадила окрестъ,
Сіялъ вознесенный надъ всею толпою,
Въ рукѣ архипастыря крестъ.

Подъ стройное пѣнье церковнаго клира,
Свершался крещенья обрядъ,

Крещеніе кіевлянъ—это величайшее событіе въ русской жизни—совершилось въ 988 году.

Кіевъ сталъ православнымъ городомъ;—всѣ жители его крестились. Но Владиміру хотѣлось, чтобы вся русская земля просвѣтилась свѣтомъ христіанской вѣры, чтобы всѣ подданные его крестились. Съ этою цѣлью онъ сталъ разсылать священниковъ по своимъ владѣніямъ. Есть извѣстіе, что самъ первый митрополитъ кіевскій Михаилъ ходилъ съ епископами, присланными изъ Царьграда, и съ Добрынею, дядей Владиміра, на сѣверъ отъ Кіева и всюду на пути крестилъ народъ.

Впрочемъ, обращеніе язычниковъ ко Христу не вездѣ шло одинаково успѣшно. Язычество держалось на сѣверѣ Руси крѣпче, чѣмъ на югѣ. И чѣмъ грубѣе и суровѣе были язычники, тѣмъ было труднѣе обратить ихъ въ христіанство.

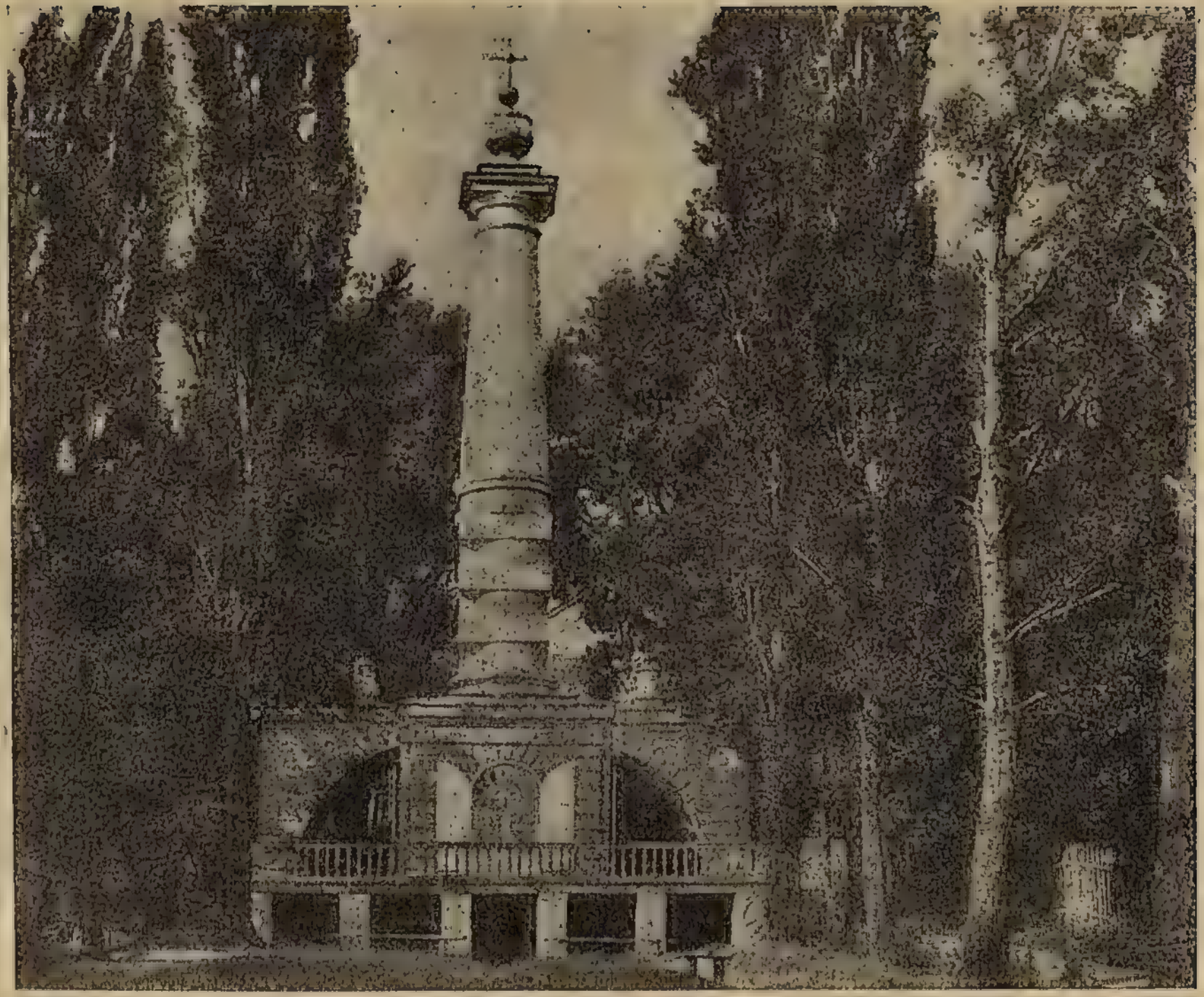
Услыхали новгородцы, среди которыхъ были уже христіане, что Добрыня идетъ ихъ крестить, и

И кроткимъ сіяньемъ душевнаго мира
Свѣтился Владиміра взглядъ...

И долго глядѣлъ онъ на городъ съ холмами—
На вѣры святой колыбель,
На Днѣпръ, заалѣвшій подъ солнца лучами,
Великую Руси купель.

Предвидѣлъ онъ ясно, въ грядущемъ читая,
Что Русь испытаніе ждетъ,
И будетъ оплотомъ ей вѣра святая
Въ годину тяжелыхъ невзгодъ;

Что дикой ордою нагрянутъ татары
И ляхи съ огнемъ и мечомъ,
Но выдержитъ Русь роковые удары,
Святымъ оградяся крестомъ»...



Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Кіевѣ.

взволновались. Они собрали вѣче и поклялись всѣ не пускать его въ городъ и не давать своихъ идоловъ на поруганіе и ниспроверженіе.

И дѣйствительно, когда Добрыня подошелъ къ Новгороду, жители его разобрали мостъ, ведущій черезъ Волховъ въ самый городъ, и взялись за оружіе. Добрыня сталъ-было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слушать не хотѣли. Они поставили двѣ камнестрѣльныхъ машины (пороки) противъ его дружины. Больше всего волновалъ новгородцевъ главный ихъ волхвъ, какой-то Богомилъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Епископъ и священники стояли на Торговой сторонѣ города. Они ходили по торгамъ, улицамъ и учили людей новой вѣрѣ. Въ два дня они успѣли окрестить нѣсколько сотъ человѣкъ. За-то на другой сторонѣ города новгородскій тысяцкій *) Угоняй ѣздилъ на конѣ среди народа и кричалъ:

— «Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе!»

Народъ разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ его имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ его родственниковъ.

Тогда Путята, тысяцкій Владиміра, рѣшился употребить въ дѣло силу. Взявши съ собою пятьсотъ человѣкъ, онъ ночью переправился на эту сторону рѣки и безпрепятственно вошелъ въ городъ. Новгородцы

---

*) *Тысяцкій*—начальникъ городской полиціи и городского войска.

не узнали ихъ;—они думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняя, схватилъ его съ нѣсколькими другими коноводами и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку.

Вѣсть объ этомъ сразу же разнеслась по городу. Народу собралось до пяти тысячъ. Мятежники обступили Путяту. Началась злая сѣча. Нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить дома христіанъ. Къ счастію, на разсвѣтѣ подоспѣлъ на помощь Путятѣ самъ Добрыня съ своими людьми, и положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Добрыня, для острастки мятежниковъ, приказалъ зажечь нѣкоторые дома на берегу рѣки. Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ. Сѣча прекратилась. Тогда самые знатные новгородскіе люди пришли къ Добрынѣ и просили пощады. Добрыня согласился пощадить ихъ, но тотчасъ велѣлъ уничтожить идоловъ: деревянные жечь, а каменные разбивать и бросать въ Волховъ. Мужчины и женщины, видя это, со слезами и воплемъ просили пощадить, не трогать ихъ боговъ, но Добрыня съ насмѣшкой отвѣчалъ имъ:

— «Нечего вамъ жалѣть тѣхъ, которые себя оборонять не могутъ. Какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?»

Всѣ идолы были уничтожены. Добрыня приказалъ всѣмъ новгородцамъ итти креститься. Посадникъ *)

---

*) *Посадникъ*, по значенію своему, походилъ на теперешняго губернатора. Новгородскіе посадники въ военное время нерѣдко командовали войсками.

Воробей, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ креститься.

Многіе новгородцы пошли къ рѣкѣ добровольно, а другихъ—упорныхъ воины потащили силою. Всѣ вошли въ воду:—мужчины выше моста, а женщины ниже. Всѣ крестились.

Нашлись, впрочемъ, язычники, которые, чтобы избѣжать крещенія, объявили, что они крещены. Епископъ велѣлъ всѣмъ крещеннымъ надѣть на шею кресты. Кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что онъ крещенъ, и того крестить.

Разметанную церковь Преображенія Господня построили снова.

Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ.

Вотъ почему о новгородцахъ сложилась тогда поговорка, что «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ».

Самъ великій князь распространялъ христіанство на западъ отъ Днѣпра. Въ 992-мъ году Владиміръ ходилъ съ епископами на юго-западъ, распространялъ христіанскую вѣру въ землѣ червенской, училъ и крестилъ тамъ людей. Онъ основалъ здѣсь городъ, назвавъ его, по своему имени, Владиміромъ, и построилъ деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы.

Но какъ ни старался Владиміръ просвѣтить всю русскую землю свѣтомъ христіанской вѣры,—это ему не удалось вполнѣ. И проповѣдниковъ при немъ было еще очень мало, да и само дѣло было слишкомъ велико и значительно. Христіанство при немъ распростра-

нилось преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ. Обращеніе же всей русской земли ко Христу совершилось уже при его преемникахъ.

Владиміръ-христіанинъ.

Послѣ крещенія кіевлянъ, Владиміръ немедленно занялся постройкою церквей. Церкви строились преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. Въ самый годъ крещенія Руси, Владиміръ поставилъ церковь во имя св. Василія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна.

Не забыты были и мученики Ѳеодоръ и Іоаннъ. На мѣстѣ пролитія ихъ крови кіевскими язычниками, Владиміръ въ 989-мъ году заложилъ каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Князь ничего не жалѣлъ на постройку ея. Храмъ строили греческіе мастера, по образцу корсунскихъ церквей. Черезъ семь лѣтъ онъ былъ готовъ. Въ этотъ храмъ Владиміръ пожертвовалъ св. мощи, иконы, кресты, хоругви,— вообще, всю святыню, взятую имъ изъ Корсуня. Сюда онъ перенесъ потомъ и гробницу своей бабки Ольги. Попеченіе о храмѣ ввѣрено было извѣстному Анастасу и корсунскому духовенству. На содержаніе его и церковнаго причта, князь назначилъ десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ княжескихъ доходовъ. Поэтому церковь Успенія Пресвятой Богородицы и стала назы-

ваться *десятинною*. Освященіе ея сопровождалось большимъ торжествомъ, угощеніями и раздачею бѣднымъ милостыни. Владиміръ построилъ и еще нѣсколько церквей въ Кіевѣ, но величественнѣе и богаче Успенской не было.

Вездѣ, гдѣ крестился народъ, немедленно возникали и храмы.

Богослуженіе въ храмахъ совершалось на понятномъ народу языкѣ славянскомъ. Пѣніе и чтеніе производились по славянскимъ книгамъ, переведеннымъ съ греческаго языка святыми равноапостольными славянскими просвѣтителями—братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Священнослужители были частію изъ грековъ, частію изъ южныхъ славянъ—болгаръ и сербовъ. Ихъ при Владимірѣ было не мало, но все же не столько, сколько требовалось для распространенія вѣры Христовой и утвержденія ея среди новообращенныхъ. Владиміръ это видѣлъ и понялъ, что этотъ недостатокъ всего лучше пополнить *своими* — русскими пастырями. Къ своимъ священнослужителямъ пасомые больше будутъ имѣть довѣрія. Пастыри изъ своихъ лучше чужихъ могутъ знать жизнь народа, его нужды. Но какъ этого достигнуть? Для этого надо распространять книжное ученіе,—заводить школы.

Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Онъ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе. Матери плакали по нимъ, какъ по мертвымъ; — онѣ, по словамъ лѣтописца, не утвердились

еще въ вѣрѣ. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.—Благодаря этому, къ концу Владимірова княженія у насъ почти всѣ священнослужители были уже свои,—русскіе.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ совершенно измѣнился и какъ бы переродился. Онъ сталъ миролюбивымъ княземъ. Со всѣми сосѣдями онъ старался жить въ мирѣ и избѣгалъ войны. Владиміръ-христіанинъ если и воевалъ съ кѣмъ, то воевалъ только для защиты своихъ владѣній. Онъ велъ войны, такъ называемыя, оборонительныя. Больше всего въ этомъ случаѣ надоѣдали ему печенѣги, нападавшіе почти каждогодно на его пограничныя южныя владѣнія. Чтобы оградить послѣднія отъ хищныхъ набѣговъ степныхъ варваровъ, Владиміръ по южнымъ и юго-западнымъ своимъ границамъ строилъ города. При немъ появились города по рѣкамъ—Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и Роси. Города эти заселились по преимуществу храбрецами, выходцами изъ разныхъ русскихъ областей, особенно сѣверныхъ. Города эти сначала были не что иное, какъ военные острожки, подобно нашимъ теперешнимъ пограничнымъ линейнымъ укрѣпленіямъ *). Они соединялись между собою валомъ и частоколомъ. На извѣстныхъ пунктахъ въ этомъ валу находились свободныя для проѣзда мѣста или ворота, которыя оберегались сторожевыми ратными людьми. При появленіи непріятелей, эти

*) Линейное укрѣпленіе, устраиваемое на пограничныхъ чертахъ государства, имѣетъ видъ небольшой крѣпости.

сторожа давали знать о нихъ въ ближайшіе города и даже въ самый Кіевъ.

Но эти валы, частоколы и города не всегда защищали южно-русскія владѣнія отъ набѣга печенѣговъ. Послѣдніе прорывались сквозь нихъ и грабили, жгли русскіе города и села. Владиміру волей-неволей приходилось силою защищать ихъ отъ варваровъ, отбиваться отъ нихъ.

Въ 992-мъ году печенѣги пришли изъ-за Сулы. Владиміръ встрѣтился съ ними на рѣкѣ Трубежѣ. Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, печенѣги—на другой. Ни тѣ, ни другіе не смѣли перейти на сторону противную. Тогда князь печенѣжскій подъѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему:

— «Выпусти своего мужа, а я своего,—пусть борются. Если твой мужъ ударитъ моимъ о землю, то не будемъ воевать три года. Если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года».

Владиміръ согласился на это единоборство.

Возвратясь въ свой станъ, онъ послалъ биричей (вѣстниковъ) кликать кличъ по всему своему войску: «нѣтъ ли кого, кто-бъ взялся биться съ печенѣгомъ?»

Никто нигдѣ не отозвался.

На другой день пріѣхали печенѣги и привезли своего бойца, а у русскихъ никого еще не было.

Владиміръ началъ тужить, сталъ горевать. Онъ вновь послалъ кликать кличъ по своимъ ратникамъ.

На этотъ разъ отозвался одинъ старикъ. Пришедши къ князю, онъ сказалъ:

— «Князь, есть у меня сынъ меньшой дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался. Изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить. Однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу; такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками».

Владиміръ обрадовался и послалъ за силачомъ. Послѣдній скоро явился. То былъ молодой человѣкъ, средняго роста, коренастый.

Князь объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— «Я не знаю»,—отвѣчалъ ему силачъ,—«смогу ли сладить съ печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка, большого и сильнаго?»

Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили. Разсвирѣпѣвшее животное помчалось въ бѣшенствѣ мимо силача. Тотъ схватилъ быка за бокъ, и вырвалъ у него кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою.

— «Ты можешь бороться съ печенѣгомъ»,—сказалъ Владиміръ, увидѣвши это.

На другой день пришли печенѣги и стали кликать:

—«Гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ!»

Владиміръ приказалъ вооружиться своему. Оба бойца выступили другъ противъ друга. Печенѣжскій силачъ, увидѣвъ своего противника, сталъ смѣяться надъ небольшимъ его ростомъ.

Размѣрили мѣсто между обоими войсками и пустили бойцовъ.—Началась борьба. Борцы схватились и стали крѣпко жать другъ друга... Русскій наконецъ сдавилъ печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ

о землю. Раздался крикъ въ войскахъ. Печенѣги побѣжали, русскіе—за ними.

Владиміръ обрадовался этой побѣдѣ. Тутъ же, на мѣстѣ битвы, онъ заложилъ городъ и назвалъ его Переяславлемъ. Онъ назвалъ городъ такъ потому, что русскій боецъ *переялъ*, т. е. перенялъ славу у печенѣжскаго.

Силача и отца его князь сдѣлалъ знатными мужами.

Въ 997-мъ году степные хищники, прорвавшись сквозь сторожевую пограничную русскую цѣпь, подступили къ Бѣлгороду и обложили его. Владиміра въ ту пору не было въ Кіевѣ,—онъ отправился за войскомъ въ Новгородъ.

Лѣтопись передаетъ любопытное преданіе о спасеніи этого осажденнаго города. Когда печенѣги обступили Бѣлгородъ,—въ немъ сдѣлался большой голодъ. Князь не могъ подать помощи осажденнымъ. У него не было войска, а печенѣговъ было множество... Осада продолжалась,—голодъ усиливался... Бѣлгородцы дошли до крайности. Собравшись на вѣче, они сказали:

— «Намъ приходится помиратъ съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ. Что-жъ, развѣ лучше намъ помирать? Сдадимся печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ, все равно умираемъ мы съ голода».

Порѣшили сдаться. Но одинъ старикъ, не бывшій на вѣчѣ и узнавшій, зачѣмъ собирались граждане, послалъ за городскими старшинами и спросилъ у нихъ:

— «Что это, я слышалъ, вы хотите передаться печенѣгамъ?».

— «Что-жъ дѣлать?»—отвѣчали тѣ,—«не стерпятъ люди голода.»

— «Послушайтесь меня,»—сказалъ имъ старикъ,—«не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то, что я велю».

Старѣйшины съ радостію обѣщались слушаться.

— «Соберите хоть по горсти овса»,—сказалъ имъ старикъ,—«или пшеницы, или отрубей».

Все это сыскали.

Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ. Потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее этого раствору. Затѣмъ старикъ приказалъ выкопать другой колодезь и вставить въ него также кадку. Онъ велѣлъ отыскать меду. Нашли и меду цѣлое лукошко въ княжой медушѣ*). Старикъ велѣлъ сдѣлать изъ него сыту и вылить въ кадку, что стояла въ другомъ колодезѣ.

На другой день онъ велѣлъ послать за печенѣгами. Бѣлгородцы пошли и сказали имъ:

— «Возьмите себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ человѣкъ десять къ намъ въ городъ; пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается».

Печенѣги обрадовались. Думая, что бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, они взяли у нихъ заложниковъ, выбрали изъ среды своей лучшихъ мужей и послали ихъ въ городъ посмотрѣть, что такое тамъ творится.

*) *Медуша*—погребъ для храненія варенаго меду и другихъ напитковъ.

— «Зачѣмъ вы себя губите?»—сказали бѣлгородцы пришедшимъ къ нимъ выборнымъ печенѣгамъ.—«Можно ли вамъ перестоять насъ? Хоть десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ. Не вѣрите,—смотрите своими глазами».

Затѣмъ подвели печенѣговъ къ одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ ними къ другому, почерпнули сыты и начали ѣсть. Поѣвши сами, они потомъ дали отвѣдать и печенѣгамъ. Тѣ попробовали и удивлялись.

— «Не повѣрятъ наши князья»,—сказали они,—«если сами не отвѣдаютъ».

Бѣлгородцы налили корчагу раствора и сыты и дали печенѣгамъ. Тѣ пришли къ своимъ и разсказали все, что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой.

Владиміръ, послѣ крещенія, сталъ кроткимъ и человѣколюбивымъ княземъ. Прежней жестокосердности въ немъ и слѣда не осталось; онъ не хотѣлъ казнить смертью даже и разбойниковъ: боялся грѣха.

Вступивши въ христіанскій бракъ съ царевною Анною, онъ уже потомъ остальную свою жизнь отличался чистотою семейной жизни. Вспоминая иногда прежнюю жизнь, онъ всегда говорилъ вздыхая: «проститъ ли мнѣ Богъ все, что я надѣлалъ въ язычествѣ своемъ?»

Одно только прежнее осталось въ Владимірѣ:

добродушіе его, ласковость ко всѣмъ, гостепріимство. Князь имѣлъ, что называется, широкую душу. Въ мо-

Владиміръ Святой на монетныхъ изображеніяхъ.

лодости она приводила его къ излишествамъ, а въ лѣтахъ зрѣлости, подъ вліяніемъ христіанства, сдѣлала

его Краснымъ Солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ. Какъ онъ думалъ совмѣстно съ своею дружиною о военныхъ и мирныхъ дѣлахъ, совѣтуясь обо всемъ съ своими боярами, такъ любилъ и пировать вмѣстѣ съ ними. Княжескіе пиры и угощенья были очень нерѣдки. Что ни церковное торжество, то пиръ,—что ни праздникъ, то угощенье. Празднуя освященіе церкви Преображенія въ Василевѣ, Владиміръ наварилъ много меду и созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изо всѣхъ городовъ и множество всякихъ людей. Онъ роздалъ бѣднымъ 300 гривенъ. Праздникъ продолжался восемь дней. Возвратившись въ Кіевъ къ Успеньеву дню, князь и здѣсь опять задалъ большой пиръ, пригласивъ на него безчисленное множество народа. На княжескомъ дворѣ каждую недѣлю по воскресеньямъ устраивались обильные пиры. Сюда приходили бояре, дружинники, лучшіе люди изъ кіевскихъ гражданъ и всѣ пили—ѣли вдоволь. Пировали они въ свѣтлыхъ княжескихъ палатахъ—и при князѣ, и безъ князя, когда его не было въ Кіевѣ.

Но, пируя съ знатными людьми, Владиміръ не забывалъ и меньшую братію. Слова Св. Писанія: «Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ», «продайте имѣніе ваше и дадите нищимъ», «не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадутъ», произвели сильное впечатлѣніе на широкую душу князя, глубоко запали въ его сердце. Владиміръ приказывалъ

всякому нищему и убогому приходить на княжескій дворъ, брать пищу и питье и даже деньги изъ казны.

Этого мало. «Дряхлые и больные»,—сказалъ онъ,—«не могутъ доходить до моего двора», и велѣлъ развозить все имъ нужное по домамъ ихъ. Хлѣбъ, мясо, рыба, овощи, разный медъ въ бочкахъ и квасъ развозились по городу бѣднякамъ, немощнымъ и дряхлымъ.

— «Гдѣ есть больные и нищіе, что ходить не могутъ?» спрашивали княжьи люди, останавливаясь у дворовъ. Если такіе несчастные находились,—имъ раздавали все нужное для питанія.

По большимъ церковнымъ праздникамъ, Владиміръ ставилъ три трапезы:—одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

За все это—за радушіе, доброту и щедрость—народъ любилъ Владиміра, называлъ его ласковымъ княземъ», величалъ «Краснымъ Солнышкомъ». И князь любилъ свой народъ. У него съ нимъ было полное единеніе и согласіе.

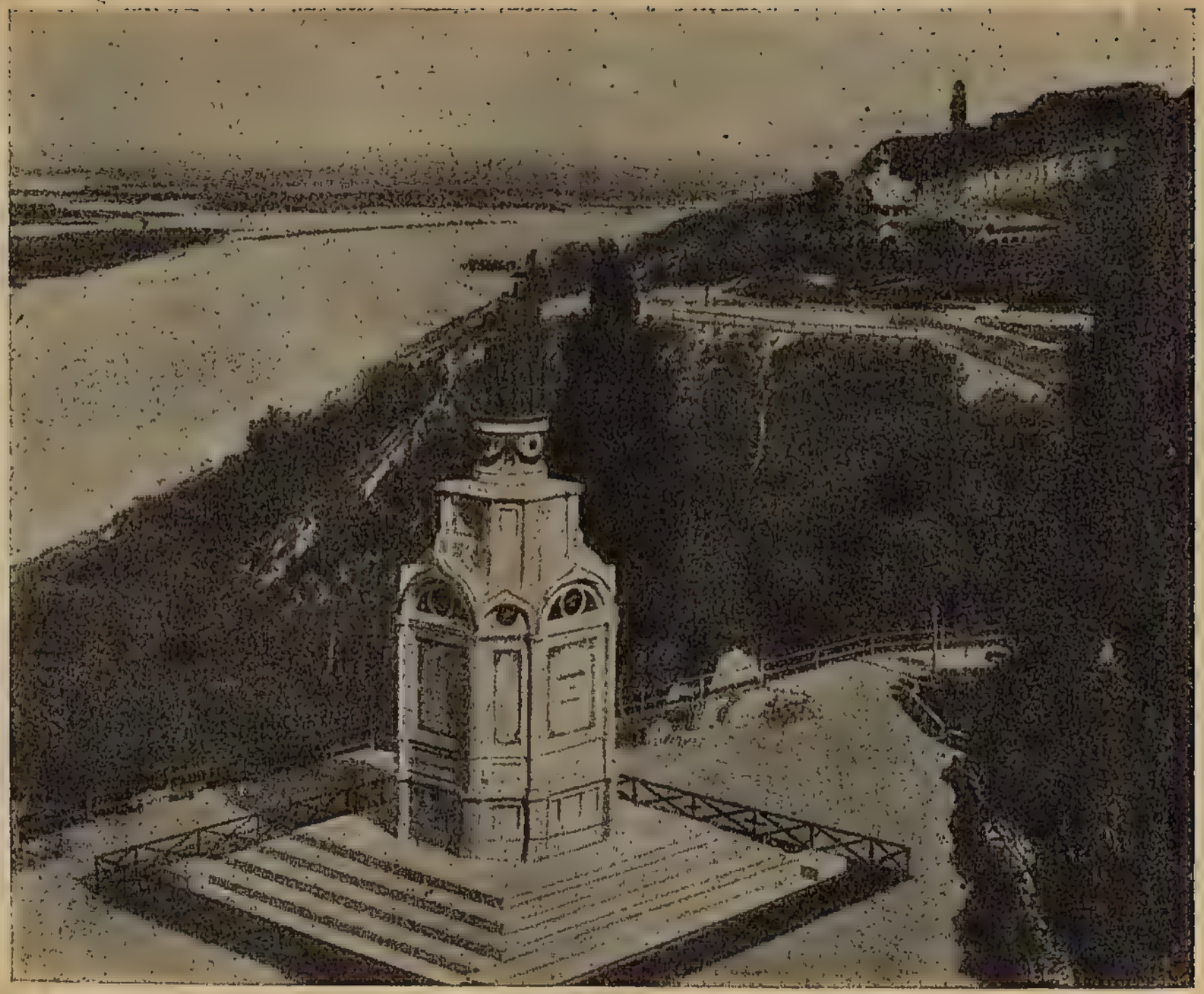
Но этого согласія и любви недоставало Владиміру дома,—въ своей семьѣ. Въ семейной своей жизни онъ былъ не совсѣмъ счастливъ. У него было 12-ть сыновей. Владиміръ всѣмъ имъ роздалъ города въ управленіе. Эти князья—сыновья, живя въ своихъ удѣлахъ, должны были повиноваться своему отцу,—*великому князю*. Области ихъ должны были платить ежегодно дань въ великокняжескую казну. Но сыновья не всегда такъ поступали.

Прежде всѣхъ сдѣлалъ непріятность Владиміру

Святополкъ туровскій. Онъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго. Польская княжна привезла съ собою на Русь своего католическаго епископа. Послѣдній началъ склонять къ переходу въ католичество туровскаго князя и его приближенныхъ,— и дѣйствовалъ не безъ успѣха. Самъ же польскій король изъявилъ, говорятъ, желаніе, чтобы зять его захватилъ кіевское княженіе, не ожидая смерти великаго князя, своего отца. Такъ это или нѣтъ, но только Владиміръ, узнавши о какихъ-то замыслахъ Святополка, заключилъ его въ тюрьму вмѣстѣ съ его женою и епископомъ. Впослѣдствіи сынъ, вѣроятно, оправдался;—при концѣ жизни Владиміра, Святополкъ былъ на свободѣ.

Еще прискорбнѣе было Владиміру узнать о поступкѣ другого своего сына, Ярослава, князя новгородскаго. Женатый на умной, гордой и рѣшительной шведской принцессѣ, Ярославъ, не безъ вліянія своей жены, захотѣлъ отложиться отъ великаго князя, своего отца. Пользуясь отдаленностью Новгорода отъ Кіева и надѣясь на свое богатство, новгородцы хотѣли сдѣлаться самостоятельными, независимыми отъ кіевскаго князя. Съ согласія вѣча, Ярославъ вдругъ отказался платить великому князю установленную съ Новгорода ежегодную дань въ 2.000 гривенъ.

Владиміръ сильно разгнѣвался на сына и велѣлъ исправлять пути. Онъ хотѣлъ идти войною на своего сына и сталъ собирать войско. И новгородцы стали готовиться къ самозащитѣ...



Памятникъ Владиміру Святому въ Кіевѣ.

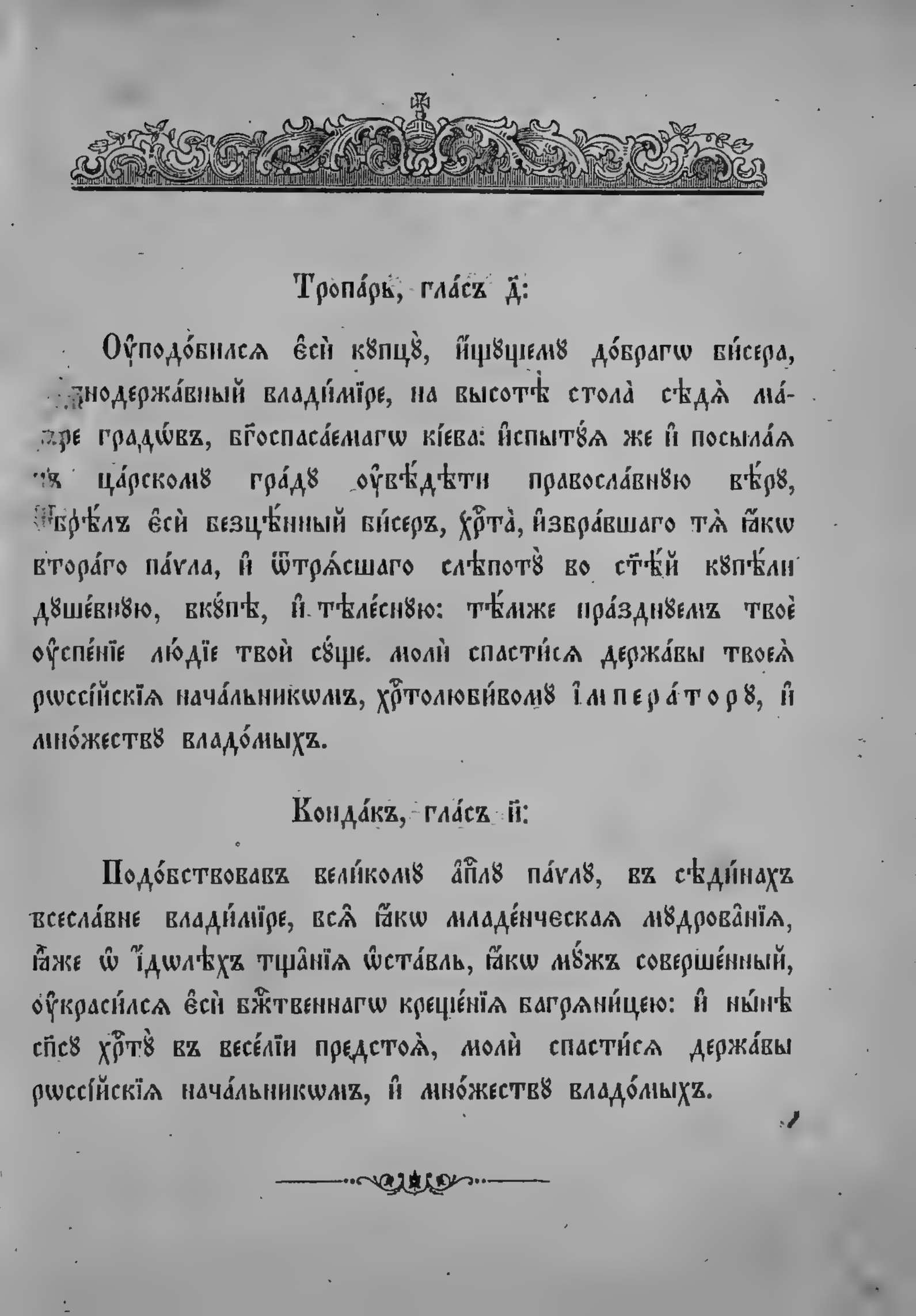
Но Богъ не допустилъ войны между отцомъ и сыномъ.—Владиміръ, собравъ рать, раздумывалъ, откладывалъ, медлилъ идти войною на непокорнаго сына и, наконецъ, заболѣлъ. Въ это время пришло извѣстіе о нападеніи печенѣговъ на его владѣнія. Больной князь отправилъ противъ нихъ собранное войско подъ начальствомъ своего сына Бориса. Вскорѣ Владиміръ совсѣмъ разболѣлся и слегъ въ постель. Онъ бы еще не старъ, хотя и пережилъ свою супругу Ан. нѣкоторыхъ дѣтей и даже внуковъ. Владиміръ уже вставалъ не съ своей постели.—15-го іюля 1015-го го онъ скончался въ любимомъ своемъ селѣ Берестовѣ.

Безчисленное множество народа сошлось на погребеніе Владиміра въ Десятинной церкви. Знатные, богатые, бѣдные и убогіе—всѣ плакали и стенали о покойномъ князѣ.

И печаль была не притворная;—хоронили государя ласковаго, щедраго,—хоронили князя, просвѣтившаго свѣтомъ Христовой вѣры русскую землю. Это былъ истинно великій человѣкъ и государь.

Церковь наша причла князя Владиміра къ лику святыхъ и назвала его равноапостольнымъ.

Память его празднуется 15-го іюля.



Тропа́рь, гла́съ д҃:

Оу҆подо́бился є҆сѝ кꙋпцꙋ̀, и҆щꙋщемꙋ до́брагѡ би́сера, [illegible]нодержа́вный влади́мїре, на высотѣ̀ стола̀ сѣдѧ̀ ма́[illegible]ре градѡ́въ, бг҃оспаса́емагѡ кі́ева: и҆спытꙋ́ѧ же и҆ посыла́ѧ [illegible]ъ ца́рскомꙋ гра́дꙋ оу҆вѣ́дѣти правосла́внꙋю вѣ́рꙋ, [illegible]брѣ́лъ є҆сѝ безцѣ́нный би́серъ, хрⷭ҇та̀, и҆збра́вшаго тѧ̀ ꙗ҆́кѡ втора́го па́ѵла, и҆ ѿтрѧ́сшаго слѣпотꙋ̀ во ст҃ѣ́й кꙋпѣ́ли дꙋше́внꙋю, вкꙋ́пѣ, и҆ тѣле́снꙋю: тѣ́мже пра́зднꙋемъ твоѐ оу҆спе́нїе лю́дїе твои̇̀ сꙋ́ще. моли̇̀ спасти́сѧ держа́вы твоеѧ̀ рѡссі́йскїѧ нача́льникѡмъ, хрⷭ҇толюби́вомꙋ і҆мпера́торꙋ, и҆ мно́жествꙋ владо́мыхъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Подо́бствовавъ вели́комꙋ а҆пⷭ҇лꙋ па́ѵлꙋ, въ сѣди́нахъ всесла́вне влади́мїре, всѧ̑ ꙗ҆́кѡ младе́нческаѧ мꙋдрова̑нїѧ, ꙗ҆̀же ѡ҆ і҆́дѡлѣхъ тща̑нїѧ ѡ҆ста́вль, ꙗ҆́кѡ мꙋ́жъ соверше́нный, оу҆краси́лсѧ є҆сѝ бж҃твеннагѡ крещє́нїѧ багрѧни́цею: и҆ ны́нѣ сп҃сꙋ хрⷭ҇тꙋ̀ въ весе́лїи предстоѧ̀, моли̇̀ спасти́сѧ держа́вы рѡссі́йскїѧ нача́льникѡмъ, и҆ мно́жествꙋ владо́мыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Жизнь князя Владиміра до принятія христіанства 3

Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ.—Проповѣдники вѣръ у Владиміра 14

Испытаніе вѣръ 20

Походъ на Корсунь и крещеніе Владиміра 26

Крещеніе Руси 32

Владиміръ—христіанинъ 41

Тропарь и кондакъ св. князю Владиміру 55